

Символическая модель языка как инструмент изучения языковых конфликтов

Д.Н. Иванова, Е.Н. Донченко

Южный федеральный университет

Аннотация. В данной статье предпринята попытка предъявить авторскую символическую модель языка, причем акцент сделан на практической ценности модели для разрешения языковых конфликтов. Также дано веское обоснование возможности символической интерпретации практически любых явлений и предметов действительности, которая может служить методическим ключом к раскодированию единого социокультурного кода. Такой подход может свидетельствовать об открытии нового вектора в понимании природы языковых конфликтов. В приведенной ниже модели можно увидеть много идей, которые могут дать богатый методологический арсенал большой эвристической силы в области разрешения различного рода языковых конфликтов.

Ключевые слова: символическая модель языка, социолект, социокультурный код, лингвокультурное сообщество, языковые конфликты, языковые права, мультикультурализм, дискриминация, языковой сепаратизм, языковая политика.

Возрастающий интерес к социолингвистической динамике различных современных лингвокультурных сообществ является одной из примечательных особенностей нашего времени. Наличие в разных уголках нашей планеты обширного многоязычного и мультикультурного пространства – объективная реальность, и язык является тем самым цементирующим началом, при умелом использовании которого возможно достичь гармонизации общества в глобальном мире. Однако набирающие темп процессы глобализации и унификации происходят на фоне всплеска национализма. Россия не является исключением, и для нее эти противоречивые по своей природе тренды тоже характерны. Будучи полиязычным и мультикультурным государством, Россия переживает противоречивый и сложный по своей природе период культурно-языкового развития. Несмотря на то, что мы сегодня видим явные проявления, указывающие на возрождение национальных языков и культур, нельзя не замечать набирающие оборот тенденции языкового и культурного сепаратизма, которые приводят к замыканию этнических языков.

Социальные, политические, экономические и культурные неоднородности мира находят отражение в социальном статусе языков. Такое положение вещей, которое нередко воспринимается как несправедливость носителями тех или иных социолектов, приводит к лингвистическому напряжению в сообществе, а истинные причины такого напряжения, как правило, остаются скрытыми. Общеизвестно, что языковой фактор никогда не выступает изолированно, действуя наряду с политическими, этническими, культурными, экономическими и социальными факторами. И хотя в мире существует огромное количество языков, в большинстве своем люди одноязычны и могут за всю жизнь ни разу не столкнуться с ситуацией, когда собеседник их не понимает. Такие люди не могут дать правильную и объективную оценку национально-языковым проблемам, поскольку даже не догадываются о том, что они существуют. Мы хотели бы также отметить, что одноязычие присуще государствам, построенным по национальному принципу. Но билингвизм – тоже достаточно широко распространен. И, мы придерживаемся мнения, что именно он является нормой, а факт владения только одним языком можно признать фикцией, так как один человек, как правило, владеет разными вариантами языка.

В последнее время приобрела особую актуальность в условиях политической и социальной нестабильности символическая модель языка, которую многие известные западные и российские ученые рассматривают в качестве эффективного инструмента гармонизации общества. В рамках обозначенной нами модели именно система языка выступает как первичная реальность, а базовой функцией языковой системы выступает ее инструментальный характер, которые предполагает практическое использование языка как мощного средства воздействия.

Основная цель данной работы состоит в описании символической модели языка и раскрытии ее потенциала в понимании основных законов языковой игры и ее главных игроков. Истинный символ всегда является отражением многозначной и динамично трансформирующейся реальности. То, что ситуация языкового сепаратизма, иерархии отдельных социолектов, и, в конечном счете, неравноправия их носителей признается в данной модели нормативной, делает ее пригодной для исследования языковых конфликтов в любых регионах [1]. Символическая модель языка также может получить новое звучание и применяться к изучению вопросов языковой политики, которые в рамках этой модели получают новые векторы развития. Мы предлагаем рассматривать языковые формы как структурированное целое, не имеющее единого фиксированного значения. Мы считаем, что значения и смыслы языковых форм могут варьироваться в зависимости от того, как они артикулируются среди множества других элементов дискурса, в конечном счете, обуславливая формирование различных кодов языкового поведения в определенном лингвокультурном сообществе.

Разработчики символической языковой модели (Э. Дюркгейм, Г. Гадамер, А. Шутц, Ж. П. Сартр, Г. Зиммель и др.) обозначили неизбежное существование конфликтных ситуаций в языковом поле, сделав акцент на проблеме коммуникативного порядка, под которой они понимали прежде всего создание так называемого общего языка. То, что на сегодняшний день все члены того или иного социума являются носителями одного национального языка и культурного кода, по их мнению, создает лишь иллюзию всеобщности. С помощью символической модели можно довольно легко объяснить, почему люди, которые являются носителями одного языка, зачастую оказываются в проблемной ситуации непонимания и языковой разделенности. Как правило, более нестабильной оказывается коммуникация

между представителями разных национальностей, этносов, приверженцами противоборствующих идеологий и т.д.

Различие словарей у носителей одной национальной культуры выступает главной помехой в поиске механизмов эффективной коммуникации даже в пределах одного лингвокультурного сообщества. Не секрет, что у всех нас имеется собственный словарь, и чем больше у нас отличий в уровне образования, профессии и социальном положении, тем меньше, к сожалению, у нас общего словарного запаса. Но и при условии наличия общих словарей люди могут наделять разной оценкой означаемые словами предметы и явления окружающей действительности. Однако, по мнению Дж. Черча [2], «различия в словаре и оценках не были бы таким важным фактором в процессе коммуникации, если бы люди, общаясь, уделяли больше внимания этим различиям». Для того чтобы лучше объяснить природу этих различий, которые, как правило, воспринимаются людьми как помехи в коммуникации, мы и хотим воспользоваться объяснительной силой разработанной нами символической модели, интерпретирующей язык как систему знаков и символов.

Социальное разделение, характерное для любого общества, неизбежно приводит к расслоению языков, которые оказываются втянутыми в своего рода в войну друг с другом. Так называемые социолекты, языки различных социальных групп, враждующих этносов могут выступать в качестве орудийного механизма подавления и устрашения «чужого». Языки враждующих этносов тоже часто оказываются втянутыми в различного рода коллизии. В произведениях Г. Зиммеля, Г. Дюркгейма, Х. Ортега-и-Гассета, М. Бахтина, Р. Барта, Г. Гадамера, которые пытались изучать языковые конфликты через призму символической модели, был артикулирован вывод, что при исследовании механизмов языкового взаимодействия нельзя не учитывать явления, связанные с «иррациональными», «этическими» и

«эстетическими» аспектами языковой деятельности. Обозначенный нами выше тезис обуславливает вовлечение в предмет исследования вопрос, связанный с выбором языка и языковых форм.

Никто не станет отрицать, что языковая деятельность всегда сопряжена с тем или иным выбором, поэтому необходимо изучать в рамках символической модели этические категории и ценностные ориентации. Истинный символ всегда является отражением многозначной и динамично трансформирующейся реальности, богато насыщенной эмоциональными и концептуальными ценностями. Выражаясь иными словами, символическую трактовку языковых форм допустимо применять к любой стороне реальности. Ученые, пытающиеся разрешить языковые конфликты с позиций символической модели, полагают, что реальность не существует в объективности империзма, а проявляются как продукт дискурса. Как следствие, языковые формы, трактуемые в символах, не просто фиксируют реальность, а кодируют ее. Кодирование придает реальности смысл, который по своей сути является идеологическим. При таком понимании воссоздаваемый образ приобретает более важное значение, чем референт. Субъекты языковой игры в рамках предлагаемой нам символической модели сосредоточены на производстве и трансляции образов, не всегда полностью осознавая какую, с точки зрения истины, ценность они имеют.

Когда речь заходит о создании универсального социокультурного кода, то сообществу предлагают некий идеальный образ, задаваемый, как правило, национальным проектом.

В представленной нами ниже графически символической модели языка такая национальная идея представлена латинской буквой S (англ. S – symbol) как замещающая объект или явление. Далее символическое сообщение транслируется субъектам, представленными на нашем рисунке множеством X (X1, X2, X3, Xn). Символическая модель языка подтверждает коллективное

происхождение единого социокультурного кода. На этапе, когда условное сообщение S достигает субъектов, включаются механизмы интерпретации символа S в двух проекциях. С одной стороны, объективное толкование позволяет представить, что представляет собой символ сам по себе, а с другой субъективная интерпретация обозначает символ как проекцию индивидуализированного случая. Авторы данной статьи считают, что объективная интерпретация сводится к собственно пониманию символа, а субъективная представляет более широкую и многогранную трактовку значения символа. Здесь возникает еще одна проблема, которую мы не можем не учитывать. Люди всегда были и остаются на разных уровнях развития. Различное эмоциональное, духовное развитие, уровень интеллекта, наличие или отсутствие нравственного воспитания и образования – продуцирует существенно отличающиеся интерпретации (X_1, X_2, X_3, X_n) единого символа S .

Следовательно, теоретически интерпретируя символический материал, важно понимать, что сложности обусловлены не столько множественностью значений того или иного символа, сколько разнообразием мировоззрения интерпретирующего сознания. В представленной нами символической модели символ неизбежно находит свой уровень, который является уровнем объясняющего его индивидуального разума [3].

В идеале далее вектор должен быть направлен на создание универсального социокультурного кода (S'), прозрачного и понятного для всех интерпретирующих субъектов.

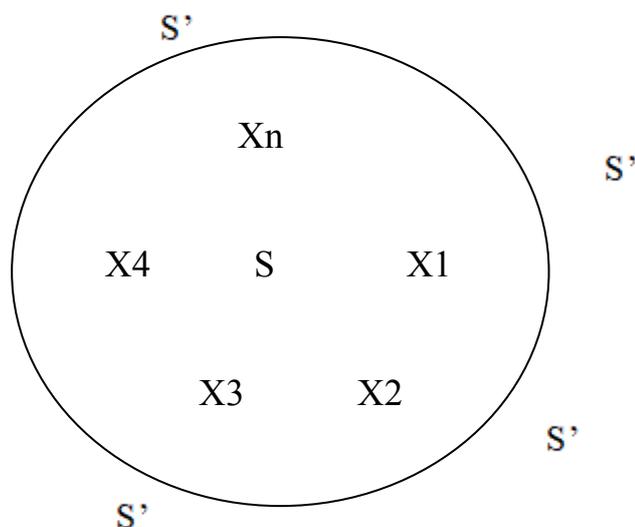

Рис.1. Символическая модель языка как инструмента изучения языковых конфликтов

Воспроизводство единого социокультурного кода в любом обществе представляет собой нелегкую задачу и должно строиться с учетом как реальной (объективно существующей) языковой ситуации, так и идеальной. Ключевое различие в этом случае заключается в акцентах. Анализ таких акцентов позволяет выделить радикальный подход к регулированию языковых конфликтов. Степень радикализма в разрешении языковых конфликтов определяется дистанцией между реальной языковой ситуацией и теми мерами, которые предлагаются для ее «коррекции» с целью приблизить ее к воспроизводимому идеальному образу.

Базовым отличием прежних позитивистских подходов от новых, выстроенных в рамках символической модели, является вовлечение практического сознания в научный анализ. Языковые конфликты должны рассматриваться через призму этой новой научной парадигмы не столько как набор внешних условий, характеризуемых с помощью ситуативно-ролевых

переменных, а, в большей степени, как словарь конкретной социальной группы. Чтобы понять реальную картину, необходимо тщательно изучить механизмы порождения смыслов и значений, которые включены в производство социокультурного кода.

Символическая модель языка, о которой идет речь в данной статье, концептуализирует действительность, основываясь на том, что значения слов, взятые сами по себе, вне их употребления, не совсем ясны и, как правило, размыты. Подойти максимально к пониманию истинного смысла, часто выраженного имплицитно, есть задача авторов данной работы, которые являются сторонниками новой парадигмы.

В начале XXI века появляется множество публикаций по интересующей нас тематике, представленных в новом ракурсе. Мы считаем, что символическая интерпретация может иметь большое практическое значение для развития теории и практики в области разрешения языковых конфликтов. Для прикладных исследований символическая модель может рассматриваться в двух основных проекциях:

1. критика традиционных подходов к изучению языковых конфликтов;
2. решение языковых конфликтов с целью добиться желаемых социальных, политических, культурных и экономических изменений.

В первой проекции символическая модель языка противопоставлена традиционному подходу, который описывается как аполитичный, нацеленный в основном на разрешение технических вопросов развития языков, а не устранение истинных причин языковых конфликтов, которые, как правило, находятся за пределами языкового поля. Второе прикладное направление символической модели связано напрямую с серией исследований, посвященных проблемам неравенства и ущемления языковых прав.

Интерес к языковым правам заметно усилился в последние десятилетия и развился в новое междисциплинарное и перспективное направление развития научной мысли. Языковые права определяются как «отсутствие дискриминации по языку, что означает отсутствие ограничений и свободы личности, родной язык которой не языком большинства членов общества» [4]. Основой для разработки и закрепления языковых прав стали международные документы, содержащие принципиальные положения о правах человека. Главным документом считается Всеобщая декларация прав человека (1948), в свете которой языковые права рассматриваются как естественное развитие основных прав личности. Камминс (2000), изучая вопросы билингвального образования, сделал акцент на необходимости проведения честной языковой политики, направленной на поддержку и возрождение коренных языков [5].

Языковые права могут рассматриваться на наднациональном уровне, когда речь идет об угрозе полного уничтожения языков этнических меньшинств, и на собственно национальном уровне, когда требуется решать вопросы сохранения или изменения государственной языковой ситуации.

Для нас больший интерес вызывают языковые ситуации, в которых любые формы дискриминации, в том числе языковой, имеют латентную природу. Такого рода скрытый механизм функционирует довольно успешно в любом социуме, при любом общественном строе, вследствие хорошо отлаженной работы идеологии, манифестируемой в воспроизводстве единого социокультурного кода S1. Более того, идея неравенства имеет глубокие исторические корни и является неотъемлемой частью человеческой природы. В большинстве исследований, посвященных проблемам идеологии языковой политики, преобладает макроподход [6]. Чтобы должным образом выстроить идеологические основания для эффективной реализации языковой политики на любом уровне, необходимо, по мнению Дж. Толлефсона, «выстроить ряд

концептов теории социальной организации общества, которые, в свою очередь, предполагается рассматривать и анализировать в тесной связи с идеологической государственной системой и властью [7].

Если попытаться рассмотреть через символическую интерпретацию функционирование современного общества, то можно вернуть онтологической картине связность. Авторы статьи считают, что язык представляет собой область, в которой возможна встреча и столкновение совершенно несоизмеримых познавательных феноменов. Родоначальники символической модели языка Г. Зиммель, Г. Дюркгейм, Х. Ортега-и-Гассет, М. Бахтин, Р. Барт, Г. Гадамер, П. Бурдьё, М. Фуко, Ю. Хабермаса, У. Эко и др. в своих произведениях, ставших уже классикой, представили своеобразный коллаж социологических, философских и лингвистических идей. Авторы этой концепции заражены идеей абсолютного сверхпрозрачного дискурса, обладающего способностью к бесконечной интерпретации внеязыковой реальности. Ю. Хабермас так сказал об этом: «Я сумел провести критическую теорию общества через нечто подобное лингвистическому повороту» [8, 9].

В рамках представленной в статье символической модели языка становится понятным как язык через свой способ концептуализации реальности выражает определенные интересы, оказывая тем самым значительное воздействие и на всех, использующих язык. Постулат «ненейтральности» языка в символическом выражении подразумевает ответ на вопрос: «чья точка зрения лежит в основе определенных языковых выражений» [10].

Если суммировать основные положения статьи, то необходимо признать тот факт, что данная модель может стать эффективным инструментом разрешения языковых конфликтов и источником вдохновения последующих исследований по интересующей нас проблеме. В приведенной

выше концепции можно увидеть много идей, которые могут дать богатый методологический арсенал большой эвристической силы в области разрешения различного рода языковых конфликтов.

Литература

1. Свечкарев В.П., Розин М.Д. Инженерный прорыв в социальном моделировании // Инженерный вестник Дона, 2013, №4. URL: ivdon.ru/magazine/archive/n4y2013/1979/
2. Church J. Technology and social communication // Ibid, 1985. pp.452-458.
3. Розин М.Д., Свечкарев В.П. Проблемы системного моделирования сложных процессов социального взаимодействия // Инженерный вестник Дона, 2012, №2 URL: ivdon.ru/magazine/archive/n2y2012/846/
4. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е. М., 2004. 488 с.
5. Кассирер Э. Философия символических форм. Том 1. Язык. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. 272 с. (Книга света).
6. Cammes N. The Concept of a Linguistic Community. Cambridge University Press. 2003.
7. Tollefson J.W. Planning language, planning inequality: Language policy in the community. London: Longman. 1990.
8. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003. С. 8.
9. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М.: Издательство «Весь Мир», 2002.144 с.
10. Барт Р. Избранные работы: Семиотика, Поэтика / Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Косикова Г. К. Москва: Прогресс, 1989. 616 с.

Reference

1. Svechkarev V.P., Rozin M.D. Inzhenernyj vestnik Dona, 2013, №4.
URL: ivdon.ru/magazine/archive/n4y2013/1979/
2. Church J. Technology and social communication. Ibid, 1985. pp.452 - 458.
3. Rozin M.D., Svechkarev V.P. Inzhenernyj vestnik Dona, 2012, №2.
URL: ivdon.ru/magazine/archive/n2y2012/846/
4. Akhmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]. Ed. 2nd. M., 2004. 488 p.
5. Kasserer Jernst Filosofija simvolicheskikh form [The philosophy of symbolic forms]. Tom 1. Jazyk. M.; SPb.: Universitetskaja kniga, 2002. 272 p. (Kniga sveta).
6. Cammes N. The Concept of a Linguistic Community. Cambridge University Press. 2003.
7. Tollefson J.W. Planning language, planning inequality: Language policy in the community. London: Longman. 1990.
8. Habermas Ju. Filosofskij diskurs o modern [Philosophical discourse on modernity]. M., 2003. 416 p.
9. Habermas Ju. Budushchee chelovecheskoy prirody [Future of human nature]. M.: Publishing house «All World», 2002. 144 p.
10. Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika, Pojetika [Selected Works: Semiotics, Poetics]. Per. s fr. Sost., obshh. red. i vstup. st. Kosikova G. K. Moskva: Progress, 1989. 616 p.